

Герман Топпе

**ВОЛШЕБНАЯ
КОБУРА**

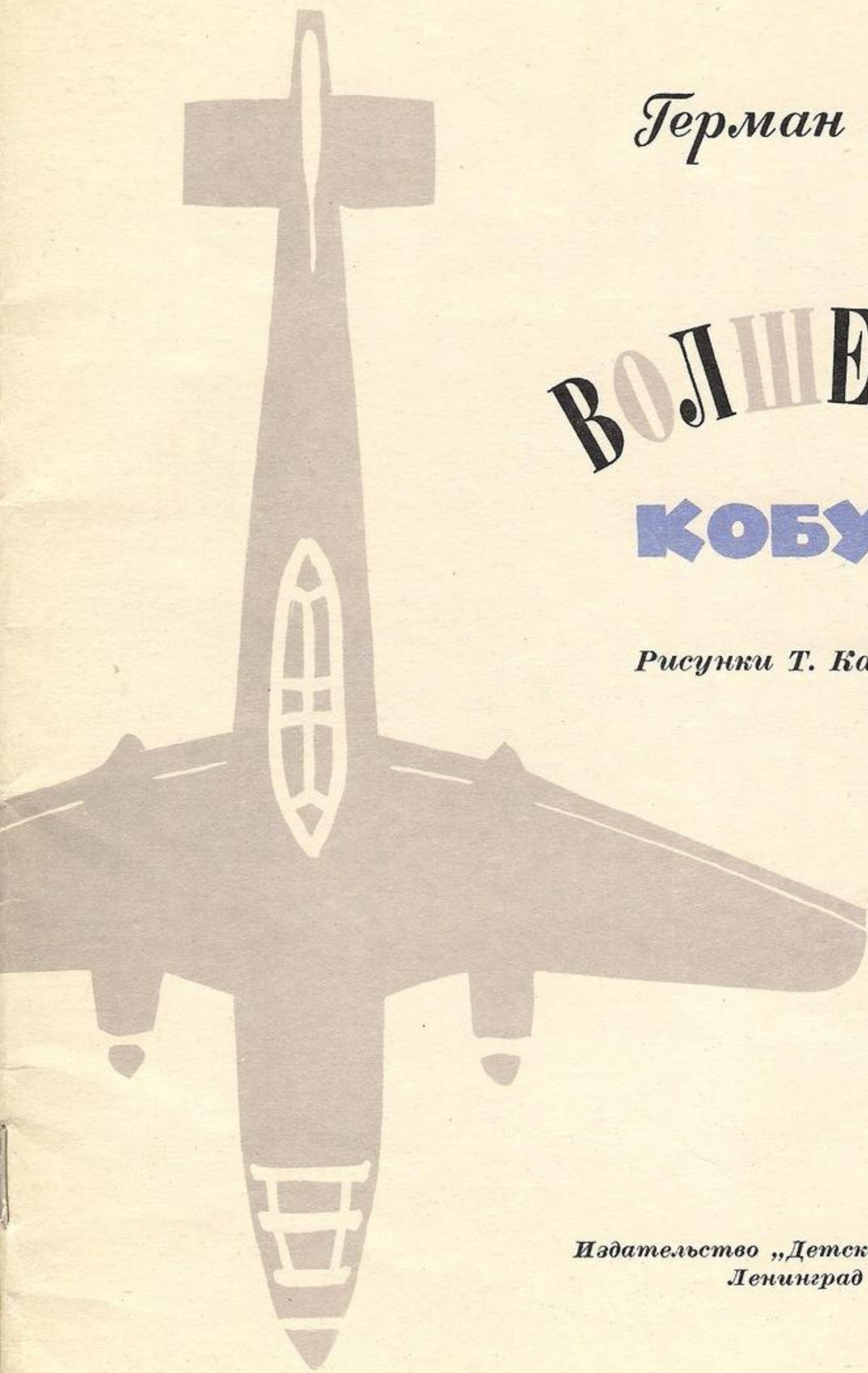

Герман Топпе

**ВОЛШЕБНАЯ
КОБУРА**

Рисунки Т. Капустиной

Издательство „Детская литература“
Ленинград 1967

АЛЁШИНА ВЫСОТА

Входит ельник молоденький
В растревоженный лес.
Подбирает мелодию
Соловиный оркестр.
Речка
 ивушку бережно
Прижимает к груди.

И отходит от берега.
И не может
уйти.
Над берёзами юными
Тень
плетёт кружева.
А ведь почки проклюнула
Не вчера ли
листва.

Листья
пробуют в ладушки
Поиграть на ветвях.
Ветер
вовсе не ландышем —
Земляничкой пропах.
Носит
спелые запахи
Фантазёрка весна.
На Востоке,
на Западе
Тишина,
тишина.
Над черёмухой терпкою
Белый дым,
белый дым.
Встретить лето
не терпится
Молодым,
молодым.
А над майскою заматью,
У скрещенья дорог,
Сосны старые замерли,
Не для них ветерок.
Как гвардейцы подобраны,
Плотно сдвинули ряд.
Свысока,
но по-доброму
На подлесок глядят.
Шрамы врезаны
накрепко,
Так,
что даже смола
Золотистою накипью
Их закрыть
не смогла.
Что им видится-помнится,
Ветеранам седым?
Пламя —
злобная конница.
Чёрный дым,
чёрный дым.
* * *
Что нам сто́ит
возвратиться
в прошлое?
Только сердцем
строчку попроси...

И опять
 за майскою порошею
 Давняя проглядывает синь.
 „Мессерами“ чёрными
 не вспорота,
 Просто синева
 как синева.
 А под ней
 пока ещё
 не порохом —
 Солнышком пропахшая
 трава.
 Там,
 где нынче скорбно,
 обелисками
 Сосны потемневшие стоят,
 Вымахнет над ёлочками низкими
 Бор,
 погибший столько лет назад.
 И опять
 берёз зеленоглазие,
 И опять
 столетних вязов шум...
 Только строчкой запоздалой
 разве я
 Юного героя воскрешу?
 ...Вздоргнут травы,
 согнутые росами.
 Но, не веря в смертную беду,
 „Он живой!“ —
 стволы медноголосые
 Протрубят победно в высоту.
 И Алёша
 тропкой
 чуть приметною
 Над холмом поднимется крутым.
 Глянет солнце на него
 приветливо,
 Поплывёт степенное
 за ним.
 Возле леса
 солнце остановится.
 И мальчишке
 будет солнца
 жаль.
 Словно мать,
 которой у околицы
 Вечно надо сына
 проводить.

Но отыщет лучик обязательно
 Малую лазейку меж ветвей.
 И его,
 как доброго приятеля,
 Встретит на тропинке Алексей.
 И по царству
 шелеста весёлого
 Побежит за солнечным лучом,

Разрешая листьям
 гладить голову,
Веткам —
 опускаться на плечо.
Слушая концерт
 пернатой вольницы,
Подойдёт
 к задумчивой реке,

С соловьём знакомым
 перемолвится
На хорошем
 птичьем языке.
В тростнике
 отыщет чудо-палочку,
Бросит в зеленеющую гладь,
И плотвички,
 как через скакалочку,
Станут через палочку
 скакать.
Затрещат,
 что в печке,
 сучья тальника.
Ахнет ветер.
 Тропка загудит.
Алексей прикрикнет:
 — Филька,
 маленький,
Наигрался в прятки,
 выходи! —
В зарослях
 на миг
 возникнет улица.

И опять захлопнутся кусты.
А в плечо мальчишке
 мордой сунётся
Обладатель
 рыжей бороды.
Приподымет голову рогатую,
Тронет осторожною губой.
Засопит.
 Пахнёт от зверя
 мятою,
Терпкою
 осиновой корой.
Пусть Алёша видится
 всё реже с ним,
Но, мужскую сдержанность храня,
Говорит:
 — Развёл телячьи нежности,
Лучше к дому подвези меня.
Серый волк
 возил Иван-царевича.
Только в сказке,
 а не наяву.
Ну а мы
 царевича
 беднее чем?!
Опустись-ка, Филька,
 на траву.—
...Переполнен важностью,
 медлителен,
Двинется сохатый
 по тропе.
Соловьи —
 единственные зрители —
В восхищенье
 перестанут петь:
Надо же,
 идёт с такою ношею!
Видно, он верблюду побратим...
Лось рогами крутит
 над Алёшею,
Ветки раздвигает
 перед ним.
Зверем управлять
 Алёше не к чему:
Сам найдёт
 избушку лесника.
И за гриву
 держится доверчиво
В цыпках загорелая рука.

Помнится мальчишке утро давнее:
По разливу катится челнок,
Камыши топорщатся

над плавнями,
Волны атакуют островок.
Жмётся к камышам
лосёнок крохотный.

Как его волной не унесло?
Ветер
налетает с диким хохотом,
Нажимает батька
на весло...

За окном
гудит погода лютая.

Тучи мчат.
Просвета в небе нет.

Спит телок,
овчиною укутанный,
И вздыхает горестно
во сне.

Сколько надо ласки?
Не измерено.

Сколько надо веры в малыша,
Чтобы он
к мальчишке

неуверенно
Сделал первый,
самый трудный шаг.

Нет,
напрасно
школьные товарищи
Скажут Алексею:

— Так и знай,
Не сбежал найдёныш твой пока
ещё —

Убежит.
Запри его в сарай. —
Малыша не запирали

ни разу он,
Не внушал воспитаннику страх.
За Алёшей

Филька,
как привязанный,
Сам бежал на тоненьких ногах.

А теперь —
 вон этакий
 громадина.
Словно пруттик,
 дерево согнёт...
Всё сильнее
 из сторожки
 радио
„Широка страна моя“
 поёт.

* * *

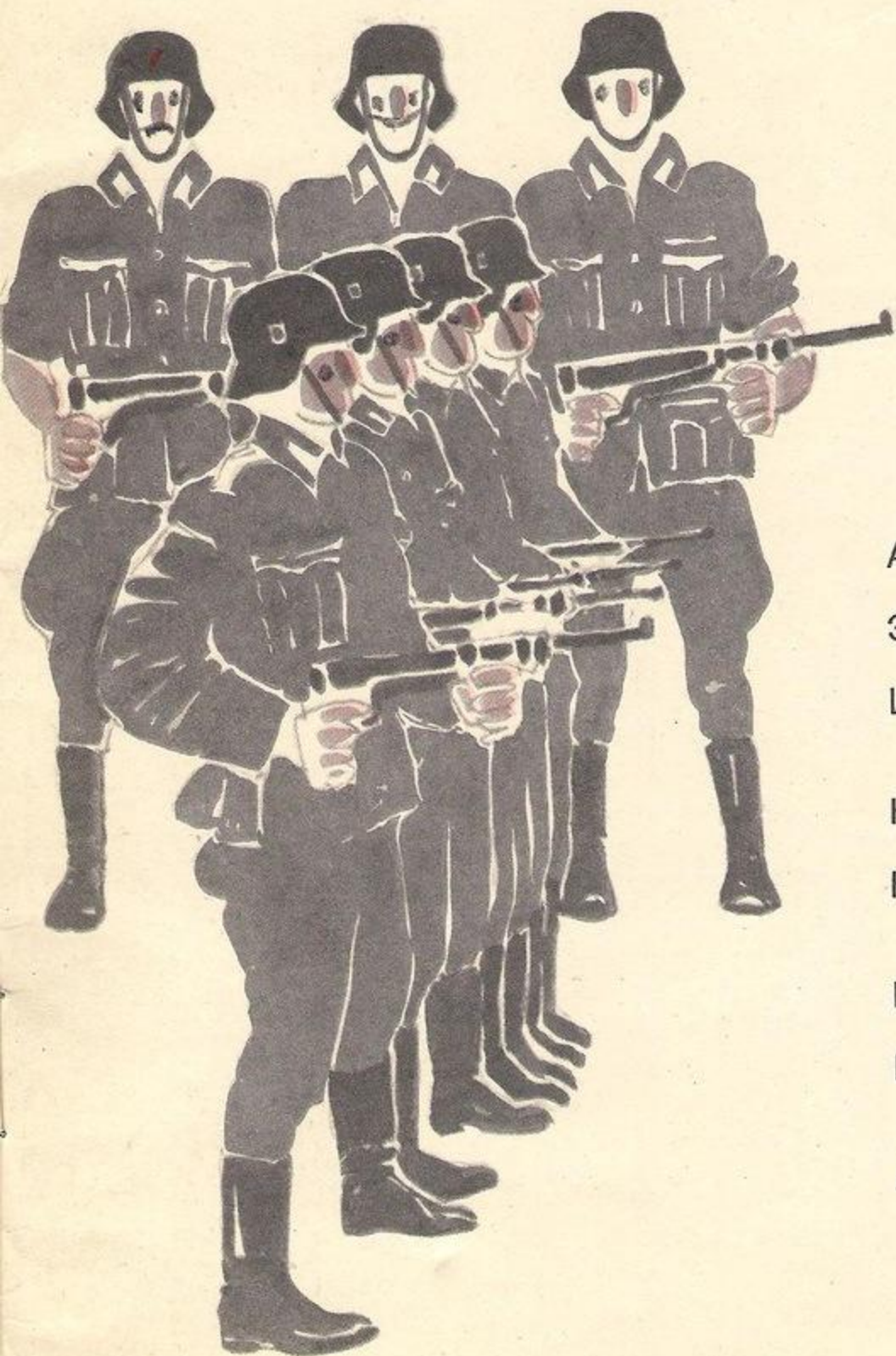
Разговор известен у ребят:
Все они
 в герои норовят.
Все они мечтали бы
 тайком
Уезжать далёко-далеко.
Если уж гулять,
 то по волне,
Если умирать,
 так на войне.
Жить в глуши
 ребятам
 не резон.
Разгляди
 попробуй
 горизонт!
Справа лес
 и слева лес опять.
Даже паровозов
 не слышать.
Целый праздник,
 если самолёт
В небо деревенское
 свернёт.
Вот он,
 вот он
 из-за леса гул.
Мальчики стоят на берегу.
Головы закинутаы назад.
Лётчик,
 ты пойми сейчас
 ребят!
Погляди на берег,
 погляди,
Сделай круг,
 всего лишь круг один.
Нажимает лётчик на штурвал.

Он в мальчишках
 тоже ведь бывал.
Ниже,
 ниже,
 ниже самолёт.
Ветер,
 ветер,
 ветер в лица бьёт.
Головы — подсолнухами вслед.
Гул остался.
 Самолёта нет.
Скажет вдруг один,
 взмахнув лозой:
— Глянуть бы хоть раз
 за горизонт.—
А сосед, со лба стирая пот,
Говорить про Арктику начнёт.
Перебьёт полярника другой,
Столько раз
 во сне
 ходивший в бой.
Расцветут над речкою мечты.
Кто-то спросит:
 — Алексей, а ты,
Ты, конечно,
 не покинешь дом?
— Да,
 как батька,
 стану лесником.—
Кто-то скажет:
 — Что с ним толковать,
У тихони
 участь такова.—
Кто-то
 сдвинет кепку на глаза:
— Ну, давай-ка,
 ври про чудеса.
Как там
 от зари и до зари
Ёлка ёлке
 сказки говорит?
Дачнице рассказывай,
 не нам,
Дачница
 поверит чудесам.—
Две косички тонкие
 вразлёт.
Девочка
 решительно встаёт.

— Да, поверю! —
 А в глазах — тёмных глаз прищур,
 насмешки не прощу.
 ...Двое вдоль по берегу идут,
 Лютики глазастые не рвут.
 Двое ничего не говорят.
 Ручейки по камушкам стучат.
 Медленные волны гладит
 бор,
 Начинает с речкой разговор.
 Стрекоза над ивою
 кружит.
 Тропку-непоседу сторожит.
 И вздохнёт Алёша про себя:
 „Жаль,
 что нет такой
 среди ребят.
 Не болтунья и не егоза.
 До чего серьёзные глаза!
 Быть бы дружбе —
 не разлей вода.
 Но девчонка —
 в этом вся беда“
 ...Тени забираются в траву.
 Звёздам
 не проклянуть синеву.
 С синевой
 июнь всегда родня.
 Для июня
 слишком мало дня.
 Под сосновой лапой
 дремлет мрак.
 Ночь
 июню —
 самый древний враг.
 Тени убегают по траве.
 Над холмом
 затеплился рассвет.
 Посреди июньской тишины
 Встали двое
 на краю войны.
 * * *
 „Мессерами“ чёрными
 распорота,
 Блекнет
 над Алёшей
 синева.

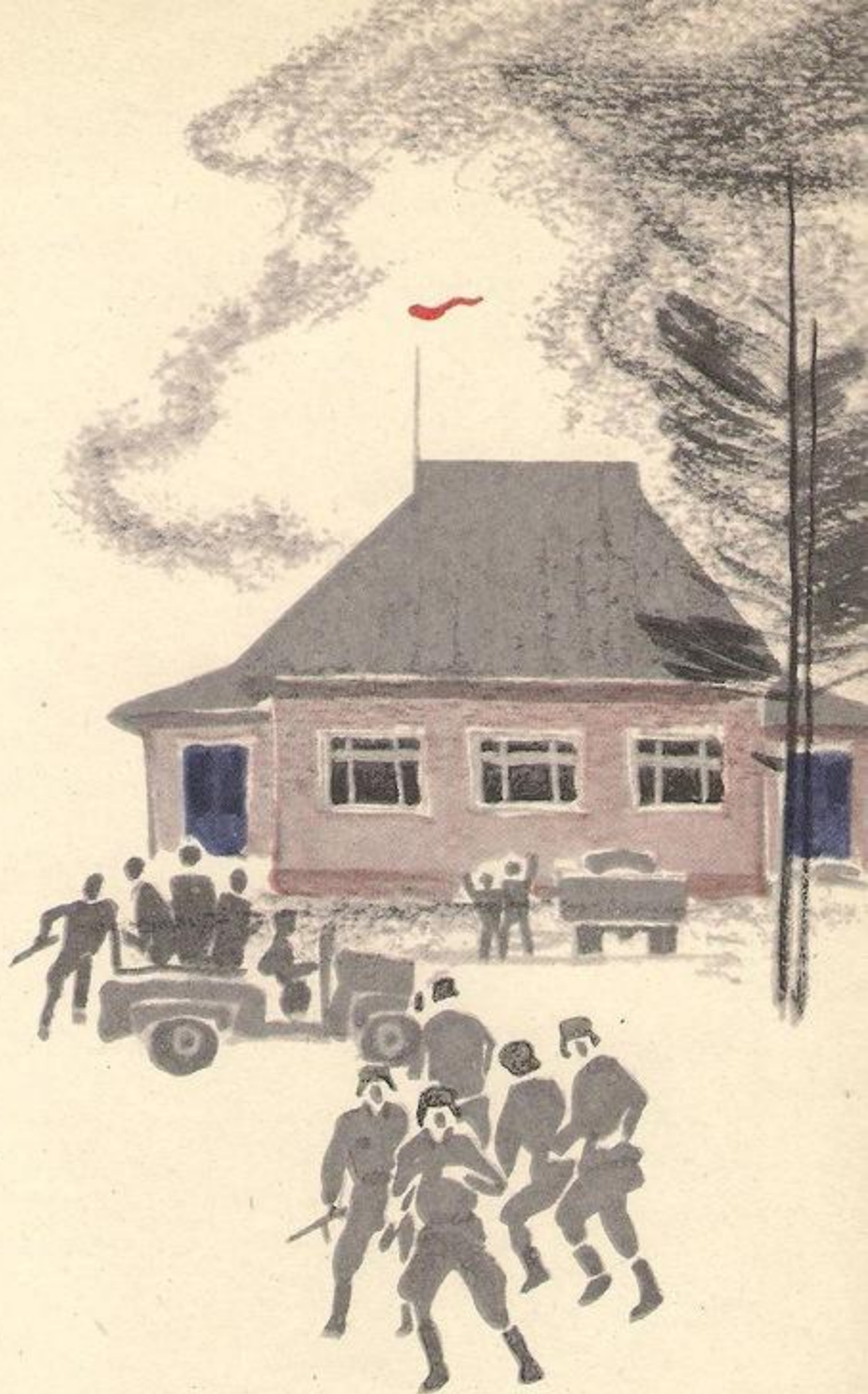
И уже не солнышком,
 а порохом
 Жёлтая пропитана трава.
 Тишиной обманчивою
 выстелен
 Весь простор
 родной его земли.
 Каждый шорох
 бьёт в затылок
 выстрелом,
 Каждый шелест
 вздрагивать велит.
 И дорога к школе
 и к товарищам
 Ныне —
 бездорожье для него.
 Держат ветки:
 — Потерпи пока ещё,
 К ожиданью сердце приневоль.
 Что ты сможешь,
 маленький,
 застенчивый?
 Подвиги под силу не таким.
 Ведь тебя,
 как выпавшего птенчика,
 Втопчут в землю вражьи сапоги.
 — Я не ива,
 чтобы гнуться по ветру,
 Я не лист,
 чтоб с ветром уходить.—
 И губами
 жадно воздух ловит он,
 Отрывает ветки от груди.
 Бор отходит
 хмурый,
 настороженный.
 Бродит эхо
 от ствола к стволу.
 Тропка повернула за Алёшей,
 Двинулась к притихшему селу.
 Печи,
 как могилы,
 над долиною.
 Обойдён пожаром
 школьный дом.
 А над ним
 нависла паутиною
 Тряпка
 с криволапым пауком.

Отшатнулся сад,
 над речкой сгорбился.
Дом горланит
 голосом чужим.
У стены,
 раскинув руки скорбные,
Яблонька Алёшина лежит.

А давно ли...
 Тронь горячей памятью
Этот день.
 И вновь перед тобой
Школьный сад
 весёлый,
 в майской замяти,
На аллее
 пионерский строй.
Как забыть
 награду
 в жизни высшую —
Право
 в честь торжественного дня
Вместе с солнцем
 встать
 над школьной крышею,
Алое полотнище поднять.

Ты идёшь
 навстречу ветру дерзкому,
 Входишь в небо
 с флагом у плеча.
 К галстуку прильнули пионерскому
 Трепетные волны кумача.
 Ах, какая даль открыта
 звонкая!
 Вглядывайся, слушай,
 принимай!
 Вон твоя тропинка
 ниткой тонкою
 Пролегла от школы
 до холма.
 А за ним,
 черёмухой завьюженный,
 Отчий дом — сторожка лесника.
 ...Память,
 будь единственным оружием,
 Если нет оружия
 пока.
 И, решенью смелому послушная,
 Верба разогнулась над водой.
 Видно,
 сердце Лёшино
 подслушало —
 Прислонилось
 лестницей живой.
 Над высокой
 школьной крышей
 замерла.
 Сердце бьёт:
 быстрее
 быстрее,
 быстрее!
 Снова —
 весь простор.
 И пред глазами вновь
 Вся твоя тропинка,
 Алексей.
 Серый ветер
 бродит над долиною.
 Нарастает
 в чёрных тучах
 гром.
 Падает на землю
 паутиною
 Тряпка
 с криволапым пауком.

Что это —
 гроза свой росчерк выбила?
 Не гроза.
 У немцев на виду
 Пионерский галстук
 острым вымпелом
 Врезался в седую высоту...
 Злой огонь
 запляшет в дуле „вальтера“,
 „Шмайсеры“
 ощерятся огнём.

У Алёши
ноги станут
ватными,
Небо
покачнётся
над селом.
И тогда
над речкою,
над тальником
Солнечная буря пролетит.
Алексей прошепчет:
— Филька,
маленький,
Уходи,
фашисты на пути. —

И, охвачен смертною усталостью,
Мальчуган
прижмёт к груди
ладонь.
Но взревёт могучий зверь
и в ярости,
Словно танк,
рванётся на огонь.
Вот уже на взгорье,
к школе вышел он.
Крестится от страха солдатня.
Вот на миг
он замер рядом с крышею,
Чтоб Алёшу на спину
принять.

...Не пройти
ни конному,
ни пешему,
Если бор не пустит —
не пройдёшь.
Автоматы
в запоздалом бешенстве
Высекали огненную дрожь.
На фашистов
тьма внезапно рухнула,
Ливень
пересек пути врага,
Филины,
как выстрелы,
заухали,
Речка
растолкнула берега.
Тучи,
будто вороны
над падалью,
Закружили чёрный хоровод.
И деревья на тропинку падали.
Стоил смерти
каждый шаг вперёд.
И враги,
не выдержав,
отпрянули.
За спиною гневный бор
гремел.
...Над притихшей
маленькой поляною
Лось остановился
на холме.
Опустился на колени
медленно.
Зазвенела над Алёшей
высь.
Расступились робко
сосны медные,
Ясени стальные
разошлись.
И перед Алёшей точно улица,
Просто удивительно пряма,
Даже на пригорках не сутулится,
Вся тропа —
от школы до холма.
И опять,
как в мае,
синь бездонная.

И над школой
всполохом зари,
К Родине
любовью защищённое,
Знамя победителей
горит.

* * *

В утро наступающего дня
Двинулась тропинкой солдатня.
Каски раздвигают тишину,
Ветки нависающие гнут.
Каждый вздох
чужой для них земли,
Каждый шорох
вздрагивать велит.
Шорохи ползут со всех сторон.
Каждый ствол в бору
насторожён.

Бор туманом выстелен густым.
Автоматы щупают кусты.
Ожидают недруги засад.
Капает секундами роса.
Начинают заросли редеть.
Немцы подобрались
к высоте.
Наконец-то кончилась тропа.
Впереди
примятая трава.
Но куда же провалился след?!
Шелесты да шорохи
в ответ.
Где же он,
мальчишка-партизан?!
Только солнце режет им глаза.
И тогда,
от дикой злобы
сер,
Завизжал фашистский офицер:
— Сжечь избу
и сжечь проклятый лес! —
Вымахнуло пламя до небес.
Но, перекрывая треск и гул,
Выстрелы
хлестнули по врагу.
Продолжался для Алёши бой.
Был Алёша
для врага
живой.

* * *

Входит ельник молоденький
 В растревоженный лес.
 Подбирает мелодию
 Соловьиный оркестр.
 Листья
 пробуют в ладошки
 Поиграть на ветвях.
 Ветер
 вовсе не ландышем —
 Земляничкой пропах.
 Носит спелые запахи
 Фантазёрка весна.
 На Востоке,
 на Западе
 Тишина...
 тишина.

Солнце доброе
 властвует,
 Смотрит в лица ребят.
 Пионерские галстуки
 Будто маки
 горят.
 Начинается улица
 От подножья холма.
 Вдаль идёт,
 не сутулится,
 Широка и пряма.
 Необычно название.
 Что за улица тут,
 Где лишь соснам
 вызванивать
 На весёлом
 ветру?
 Ей от века положено
 Мимо зданий идти.
 А ведь тут
 от подножия
 Только лес на пути.
 Пусть дома не красуются.
 Здесь такое
 не в счёт.
 Тропка,
 ставшая улицей,
 Прямо к сердцу
 ведёт.
 И зовётся —
 Алёшиной.
 Люди ходят по ней,
 Чтобы мысли хорошие
 Донести до людей.
 Тополиными песнями
 Открывается май.
 Алексея ровесники —
 На вершине холма.
 Смотрят вдаль краснокрылые.
 И распахнута даль.
 Холм
 волшебною силою
 Наделён навсегда.
 Если
 на сердце ношены,
 Станут явью мечты,
 Стоит только
 с Алёшиной
 Посмотреть высоты.

ВОРОБЕЙ БЛОКАДНЫЙ

(Сказка-быль)

Где наш город,
 как матрос,
В море вышел,
Возле дома

 тополь рос
И дорос до крыши.
А на тополе на том,
На любимой ветке,
Рядом с Вовкиным окном —
Воробей редкий.
Не простой

 какой-нибудь
Серый яшка!
Три полоски через грудь —
Тельняшка.
Сухопутным воробьям
Не попутчик.

На корвете
 по волнам
Мчаться лучше.
— Чик-Чирик! — кричит с утра
Другу Вовке: —
Приступать давно пора
К тренировке. —
Вовка вынесет корвет,
Пригласит матроса.
А на палубе —
 обед —
Горстка проса.
Завершит морской парад
Воробей прыткий.
И натянется канат,
А для Вовки —
 нитка.
Ветры осень протрубят,
Улетят птицы.
Только — что для Воробья
Заграницы!
И посмотрит он вослед
 стаям.
— Ишь какие чудачки —
 улетают.
Пусть торопятся на юг.
И не жаль мне.
Что дороже:
 лучший друг
Или пальмы?! —
Ведь зимой,
 когда мороз
Дружит с вьюгой,
Ощущал не раз матрос
Верность друга.
Чуть замёрзнет он,
 и вот —
Флаг в окошке.
Значит, Вовка в гости ждёт,
Приготовил крошки.
Так бы жить друзьям всегда,
Радуясь рассветам.
Но нагрянула беда
На деревни,
 города
В середине лета.
Шла
 и лязгала бронёй,
Землю роя.

Сжала огненной змеёй
Город над Невою.
И не видели дома,
Тёмные от горя,
Как нагрянула зима
И замёрзло море.
Становился ветер злей
И мороз тоже.
Удивлялся Воробей:
Отчего же
Гром гремит
Со всех сторон,
Не смолкая?
Но застыл трамвайный звон,
Спят трамваи.
Прячут красные бока
В сугробы.
Не очнуться им никак
Отчего бы?
...Тёплый сон одолевал,
Отгонял стужу.
Воробей не понимал:
Почему же
Разглядеть в окне не смог
Вовку, друга.
Воробей на ветку лёг.
Выла вьюга.
Сны последние свои
Отсмотрел бы скоро.
Разбудили воробьи,
Покидая город.
Сели рядом на сучки
На минуту.
Сгорбились,
 как старички
Лилипуты.
Зачирикали:
 — Герой,
Улетай, пока живой.
Пусть враги со всех сторон,
Пусть блокада —
Нам билетов в эшелон
Ведь не надо.
Что ты,
 жизнь отдать готов
И морскую душу?!
Видишь,
 даже в воробьёв
Бьют из пушек.

Собирайся, моряк,
Будет туго.
— Не могу я никак
бросить друга!—

Воробьи ему в ответ:
— Нету корма —
дружбы нет.

Ты пойми, матросик,
Друг давно тебя забыл,
От тебя окно закрыл,
Зёрнышка не бросил.
У людей в такие дни
Сердце — камень.
Могут съесть тебя они
С потрохами.
А не будут если есть,
Всё равно
замёрзнешь здесь. —

Прячет в перья нос
Воробей-матрос,
Не простой
Какой-нибудь
Серый яшка,
Говорит им:
— В добрый путь,
Мне не холодно ничуть, —
И вздыхает тяжко.
Улетели...

Тишина.
Полное бесптичье.
Воробей в стекло окна
Клювом тычет.
Тук-тук-тук да тук-тук-тук:
— Отзовись,
Вовка!

Мне за дружбу,
мой друг,
Неловко. —

Задрожало вдруг стекло.
И теплом подуло.
„Наконец-то повезло“, —
Воробей подумал.
Но внезапною волной
Подкатилось пламя.
Ослепительной стеной
Взвилось над домами.
С воем яростным:
„Убью-ю-ю!..“ —
Мчалась птица к воробью.

На крыле огромный знак
Паучий.
Под крылом метался
мрак

Тучей.
Мчались тысячи смертей
На птаху.
И чирикнул
Воробей

От страха.
Нет,
и в этот раз моряк
Трусом не был.
Он смотрел туда,
где враг, —

Прямо в небо.
Не простой
Какой-нибудь
Серый яшка...
Страх за Вовку рвался в грудь,
Теребил
тельняшку.

Вражья птица
Вовкин дом
Клюнуть норовила.
Воробей рванулся в гром,
Напрягая
силы.
Прост его военный план:
Жизнь отдать
не даром.

Шёл пернатый
на таран,
Ожидал удара.
И боялся одного —
Что б не сдуло
ветром.

Надвигаясь на него,
Смерть считала
метры.
Но в ответ
на грозный рёв
Он чирикал грозно:
— Знай,
стервятник,
воробьёв,
Знай,
пока не поздно! —
Ну, а дальше
вышло так:
(Верьте иль не верьте)
Задрожал
огромный враг,
Испугался
смерти.

И забилось горячей
У мальчишки
сердце,
Словно в радость прежних дней
Приоткрылась
дверца.

Словно солнечная нить
На лесной дорожке,
Протянулось слово „жить“.
К Вовкиным ладошкам.
И шептал мальчишка:

— Я,

Я стараться буду. —
И смотрел на Воробья,
Как глядят
на чудо.

Не простой
Какой-нибудь
Серый яшка,
Воробей расправил грудь
В тельняшке.

И когда пришла пора
Непроглядной ночи,
Он остался до утра,
Насовсем, короче.
Утром Вовке принесли
Хлеба ломтик тонкий.
Глаз не поднял от земли
Воробей в сторонке.
Мол, желанья вовсе нет
Зариться

на крошки.

Завтрак,
ужин
и обед

Вовка сжал
в ладошке.

Да,
пожалуй, ни с одним
Воробьем на свете
В эти горестные дни
Не делились дети.
Не делились.
Только здесь
Разговор особый.
Заявил Володя:
— Есть
Будем вместе, пробуй. —

И у хлеба меньше вес
Крошек на двенадцать.
Тут-то чудо из чудес
Начало свершаться.
Голод мучил
 не сильней —
В первый раз
 за столько дней
Легче Вовке стало.
— Ты волшебный Воробей, —
Моряку шептал он.
...Зиму прожили вдвоём
Два вернейших друга.
День сменяя новым днём,
Шла весна
 на вьюгу.
И блокадный свой паёк
В майский день
 хороший
Уместить Володя смог
Сразу в две ладошки.
Заглянули в этажи
Солнечные блики.
Не пищал матросик:
 „Жить!“ —
Он опять чирикал.
Но чирикал он с трудом,
Редко-редко:
Даже самый лучший дом —
Всё же клетка.
А моряк пернатый жив
Не единым хлебом.
Воробью подай залив,
Солнечное небо.
Но теперь лететь ему
Вроде бы неловко:
Вовке трудно одному,
Как покинешь Вовку?!

Так и стал бы жить матрос,
Но промчались беды.
Там,
 где раньше тополь рос,
Вырос парк Победы.
Поднялось над пустырём
Топольков немало.
Но чего-то
 в парке том
Людям не хватало.
А чего —
 никто не знал.
Ну, а Вовка
 понял.
Воробья тихонько взял
В тёплые ладони.
И подкинул в шум ветвей,
К зелени нарядной.
— Улетай,
 мой Воробей,
Друг блокадный. —
Вовка знал,
 когда восход
Горожан разбудит, —
„Птица,
 слушайте,
 поёт“, —
Удивятся люди.
Зачирикает сильней
Самый смелый,
Самый первый
В Ленинграде
 Воробей.
Не простой
Какой-нибудь
Серый яшка.
Три полоски через грудь —
Тельняшка.

ПРО ВОЛНЯТ И КАРАСЯТ (Сказка бабушки Волны)

Ветер постучал по валуну:
 — Можно видеть
 бабушку Волну? —
 И по скользкой лестнице
 со дна
 Вышла к ветру
 старая Волна.
 Посмотрел он
 бабушке в глаза,
 Кашлянул три раза
 и сказал:
 — Ваши два внучонка-близнеца
 Бегали одни
 встречать отца.
 Взяли
 уцепились за весло.
 В море их чуть-чуть
 не унесло! —
 ...Двое белобрысых пацанят
 В синеньких матросочках стоят.

Покачнулась бабушка Волна,
 От волнения
 сделалась бледна.
 Поддержать в последний миг
 Волну
 Удалось седому Валуну.
 Спрятались внучата
 в тростнике,
 Сразу стало тихо на реке.
 — Чтобы им ни берега,
 ни дна, —
 Причитала бабушка Волна. —
 То вдруг чайку дёргают
 за хвост,
 То бегут секретничать
 под мост.
 То один
 залезет щуке в пасть,
 То другой
 готов в ведро попасть.
 От камней не отучить
 никак,
 Так и ходят
 вечно в синяках. —
 Ветер понимающе вздохнул,
 Встал по стойке смирно,
 козырнул:
 — Да, за ними нужен глаз да глаз.
 Ну а всех-то
 сколько их у вас? —
 Бабушка руками как всплеснёт:
 — Лучше бы мне спрятаться под
 лёд.
 У других один,
 ну два,
 ну три...
 А ведь тут попробуй
 усмотри!
 У меня их
 триста пятьдесят,
 Самых непоседливых
 внучат.
 Да и мама с папой хороши —
 Нет, чтоб сесть на лето в камыши,
 Отдохнуть,
 детишек покачать.
 В Чёрном море плавают опять. —
 Ветер плащ сложил на берегу:
 — Я собрать мальчишек помогу! —

За секунду, может быть, одну
Внуков притащил он
к Валуну.

Выстроил
и начал их считать:

— Раз,
два,
три,
четыре,
пять...

Ровно
триста пятьдесят.

Все на месте!
Очень рад.
Побегу к другим волнам. —
Всех волнят

погладил по вихрам. —
Ну-ка, спать ложитесь,
молодцы. —
Поднял плащ
и сел на мотоцикл.

Бабушка привстала над водой.
Заслонила мальчиков собой.
Залезайте быстро в камыши,
Ши-ши-ши-ши. —
Но попробуй

уложи волнят.
— Сказку расскажи нам, —
говорят.

— Тише, внуки,
Смолкли звуки.
Солнце спряталось уже.
Караси живут

под вами,
Караси живут
в подвале —

На последнем этаже.
Щуки часто говорили:
— Что вам жить в каком-то иле.
Есть ведь солнечный этаж.
Вылезайте,
будет ваш.

— И не нужно нас просить, —
Отвечали караси,
Нам со светом
маята,

Нам по сердцу
темнота.

Но однажды,
но однажды
В очень жаркий летний день
Солнце мучилось от жажды,
Захотелось солнцу

в тень.
Село солнце под обрывом,
Распугало в речке рыбу.
В воду сунуло лучи
И давай

болтать лучами.
Караси сидят
в печали,
Дверь закрыли на ключи.
В это время карасишки —
Вот такие же мальчишки,
Как и вы —

баловники,
Взяли камушки под мышки
И прижали плавники.
Юрк в окошко —

и во двор,
Со двора через забор,
Через каменный —
да в сад.

А в саду лучи висят.
А в саду
такие пихты,
Вот забраться бы на них-то!
Там немного подскочи —
И тяни к себе лучи.
Трое тянут луч ко дну.
И кричат братишке: — Ну,
Крепче лучик прижимай,
Рот закрой
и не зевай!

Ходят щуки воровато
Улицей,
Шепчут: — Золото-ребята,
Умницы! —
Вот последний луч прижат
Камушком.

Хвалят щуки карасят:
— Лапушки,
Ну и чудо, ну и труд,
Осветители!
Скоро ваши запоют
Родители... —

Карасишкам похвала
Комаров вкусней была.
Трое стали в хоровод
Рядом с лучиком.
И кричат братишке: — Рот
Ты закрыл
лучше бы!
Мы такие молодцы,
лапушки!
Лапы солнца
крепко держат камушки.
Мы уж умницы такие —
осветители.
С нами просто повезло
родителям. —
На реке поднялся грохот.
Это щук бросает в хохот.
Так и лязгают зубами,
Держат брюхо плавниками.

Солнце дёрнулось
во сне.
Камни дёрнулись
на дне.
Солнце плавать не умело,
От натуги покраснело.
Всё больней ему,
больней
За себя,
за карасей...
Карасей...
Карасей... —
И к плечу седого Валуна
Прислонилась бабушка Волна.
Бабушку за юбку теребят.
Триста пятьдесят её
внучат:
— Бабушка,
ведь сказке не конец?!
— Был конец бы,
если б не отец.
Ваш отец, волнята,
мой сынок.
Выбраться он солнышку
помог.
Вместе с ветром бросился
и вмиг
Вытащил светило на тростник.
И переживала вся река,
Обсыхало солнышко пока.
Но с тех пор,
уж каждый отличит —
Разные у солнышка
лучи.
Те лучи,
что всех лучей длинней
Выскользнуть смогли
из-под камней.
Спите, дети.
Ходит ветер.
И луна взошла уже.
...Караси живут
под вами,
Караси живут
в подвале —
В самом нижнем этаже. —
И к плечу седого Валуна
Прислонилась бабушка Волна.
И заснула.

ВОЛШЕБНАЯ КОБУРА

Я в приметы не верю
 несколько,
Но одна примета не врёт —
Много раз проверял на Кольке —
Точно —
 рыжим всегда везёт.
Хоть бы раз ему дома влетело

За разбитый нос,
 за синяк!
Удивительнейшее дело:
Никогда не везло мне так.
А в атаках,
 поди-ка попробуй
Увернуться от синяков.

Ведь противник —
он смотрит в оба —
Он огонь ведёт
из-за дров.
Но не боязно мчаться в атаку,
Страшно после
идти домой,
Объяснять,
что была не драка,
А нормальный
учебный бой.
А уж если штаны разорвутся
(Без потерь не возьмёшь редут),
Тут все бабушки соберутся,
Кроме Колькиной, —
все придут.
И потребуют снять батарею,
Автоматы прикажут сдать.
И немедленно
о музее
Разговор заведут опять:
— По соседству он с нами,
на горе,
Написать бы письмо в горсовет... —
Мы молчим.
Бесполезно спорить.
Да и права на это нет.
А музей —
он действительно рядом,
Даже окна смотрят во двор.
Там оружие есть —
что надо!
Пистолеты там —
на подбор.
Вход в него
совершенно бесплатный,
Хочешь день смотри,
хочешь час.
И бывали мы в нём,
понятно,
Кто по сто,
кто по двести раз.
И потом уж
решительно все мы,
Не забыв ни одну деталь,
Вырезали себе „системы“
И раскрашивали
под сталь.

А в других дворах?!
Там, к примеру,
Вот как делают пулемёт —
Приколотят к бревну фанеру.
Оружейники...
смех берёт!
Да у нас и дошкольник может
Кирпичом и гвоздём одним
Пулемёт смастерить, похожий
Хоть немножечко на „максим“.
А уж Колька —
отличнейший мастер,
У него даже свой верстак.
Как не верить,
что рожим счастье,
Ведь на самом же деле так.
У него если кольты
так кольты!
Парабеллумы —
высший класс!
Я надеюсь,
что друг мой Колька
Мне хотя бы один
отдаст.
Правда,
Колька дарил мне дважды:
Карабин,
а потом автомат.
Отобрал их Петька однажды.
Он у нас —
типичный пират.
И играть с ним —
сплошная морока.
Правил Петька
не признаёт.
Выбегает в атаку
до срока,
Лезет
прямо на пулемёт.
Я повадки пиратские знаю,
Говорю:
— Ведь ты же убит. —
Он оружие вышибает,
Да ещё кулаком грозит.
И конечно, оружие вышиб
И забрал себе как трофей.
Он меня в два раза повыше
И постарше
на двадцать дней.

А на днях
мы из кольтов
горохом
По мишеням начали бить.
Только
Петька стреляет плохо,
Он и думает:
Как же быть?
Взял
и метить в девчонок начал.
Цель-то ближе и покрупней.
А девчонки — чуть тронешь —
заплачут.
Так и жди —
соберут людей.
Объяснять ему стали ребята:
— Ты же стрельбы
срываешь нам.
Поступаешь как провокатор,
Нас загонят всех по домам! —
Ну, а Петька стреляет всё чаще.
В Петьке совести
ни на грош.
Пистолет бы мне настоящий,
А таким его
не пробьёшь!
Уж не помню
выступил сам ли,
Или Колька толкнул вперёд,
Но пришлось вытаскивать саблю.
Я не рыжий,
мне не везёт.
Сделал, может,
полшага я только,
Вижу —
Петьки на месте нет.
А стоит там бабушка Кольки
И в руках её —
пистолет.
Петька сел по-турецки рядом
И не может
с испуга
встать.
Нам бы так
научиться надо —
За секунду разоружать.
А она
как ни в чём не бывало
Проверяла прицел и курок.

Сразу видно —
оружие знала,
Сразу чувствуется — знаток.
Взгляд на Петьку уставила
строгий.
— Что ж,
напомнил ты нам опять —
У фашистов
храбрости много
В безоружных людей
стрелять. —
— Получилось ошибочно это, —
Мямлит Петька, —
я сам не рад,
Бой неточный у пистолета,
Пистолет во всём
виноват... —
Нет,
не вышло играть ему
в прятки
С этой бабушкой.
Пистолет
Навела она...
и в десятке
От горошины рваный след.
Оглянулся я, вижу:
лишь Колька
Не разинул от зависти рот.

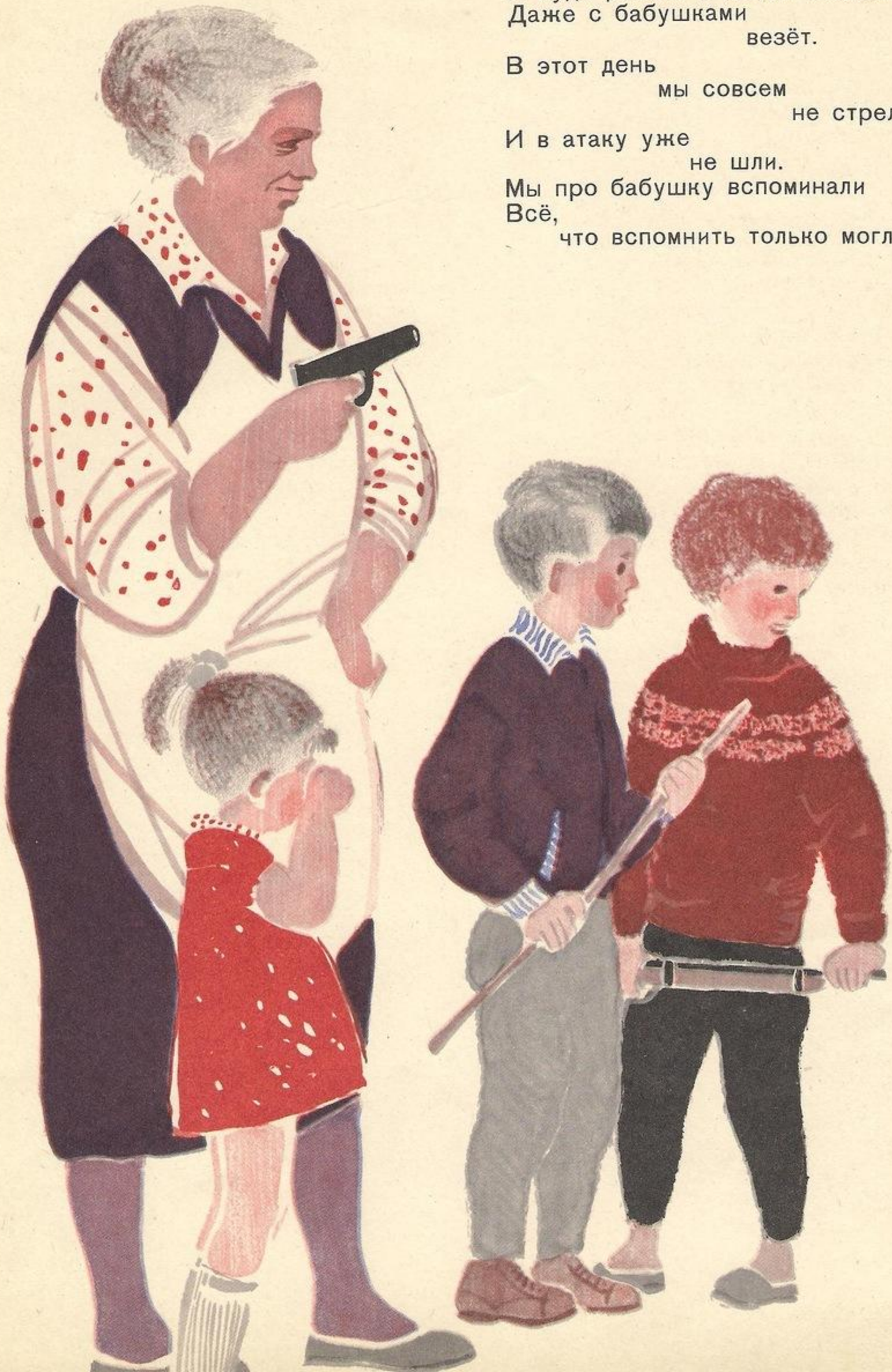

И куда рыжим счастья столько?!
Даже с бабушками
везёт.

В этот день
мы совсем
не стреляли.

И в атаку уже
не шли.

Мы про бабушку вспоминали
Всё,
что вспомнить только могли.

Позрений собралось немало.
Самым странным
было одно:
Никогда
на нас не кричала...
Позвала однажды в кино.
Пригласила всех,
кто желает.
Мы толпой пошли,
как один.
А потом,
девятого мая,
Рассказала нам
про Берлин.
И про звёзды ещё объясняла,
Почему они на стволах,
Сразу чувствуется — воевала.
Вот узнать бы,
в каких войсках!
Может, шла в наступленье
с пехотой,
Или в танке...
А Петька
со зла
Захихикал:
— Гадать чего там:
Может, писарем
в штабе была! —
Я в ответ ему:
— Тоже мне,
скажешь.
Про мишень забываешь зря.
Ведь известно девчонкам даже:
Не стреляют так
писаря. —
С этим длинным
попробуй
поспорь-ка,
Полетишь со двора домой.
Хорошо —
появился Колька
С настоящей кобурой.
Петька сразу
оставил погоню.
Ребятня собралась в кружок.
В кобуру
совали ладони
Все,
кто к ней дотянуться мог.

И заглядывали в середину,
И принюхивались.
Кобура
Не каким-нибудь
нафталином,
Пахла
порохом
из нутра.
Мы погладили рыжую кожу
И, не веря своим глазам,
Каждый в очередь
осторожно
Тронул пальцем
давнишний шрам.
Был он ниткой суровой заштопан.
Был он,
словно шпага,
прямым.
Не сговариваясь,
на шёпот
Перешли почему-то мы.
И тогда нам Колька поведал,
Что оставил осколок след
За какой-то час
до Победы,
Но не смог убить
пистолет.
Справедливейшее оружие,
Справедливая кобура
Помогали друг другу
в стужу,
Знали,
что такое жара.
А вот после раненья
расстались,
Но проходит за годом год,
Очертания грозной стали
Кобура всегда бережёт.
И пускай она
без пистолета,
Можно с нею стать
храбрецом,
Хоть в подвале
сиди без света
И смотри темноте в лицо.
Мы поверить хотели
без спора.
Только Петька взял
и пристал.

Тычет в каждого пальцем:
— Который
С кобурой полезет
в подвал? —
Тут
о самом глубоком подвале
Вспомнил кто-то вдруг из ребят...
Кобуру мы
в нём проверяли
И ещё заодно —
себя.
Тьма гудела
за дверью железной,
Но, прижав кобуру к груди,
Опускался каждый,
как в бездну,
Сосчитают до ста —
выходил!
Все сказали:
— Ни на минуту
Не притронулся страх к плечам. —

Правда,
мне было малость жутко,
Но об этом пришлось промолчать.
Петька встал,
говорит со смехом:
— Тоже, храбрость нашли
в кобуре.
Без неё я с таким же успехом
Просижу в этой самой норе. —
Нас презрительным взглядом
смерил,
Изогнулся почти вдвойне.
И полез в подвальные двери
И в чернильной исчез
глубине.
Мы считать ещё не начинали,
Заглянуть не успели вниз,
Что-то
грохнулось вдруг
в подвале,
И послышался страшный визг.

Вылез Петька
зелёный от страха.
Слёзы сдерживает с трудом:
Храбро двинулся
и с размаха
Крепость балки
проверил лбом!
Говорит он
со злостью
ребятам:
— Я вас встречу...
по одному. —
Ну как будто мы
виноваты,
Что мы,
рост подбирали ему?
Рано утром
мы встретились с Колькой.
Я ходил за ним
словно тень.
Кобуру
хоть с Колькиным кольцом
Прицепить мечтал на ремень.
Ведь принёс же я другу
в подарок,
Не за что-нибудь,
просто так,
Фестивальную серию марок
И петровских времён пятак.
И когда
кобуру я приладил,
Ноги сами вперёд пошли,
Точно кто-то подталкивал сзади,
Отрывал меня от земли.
И на нашей парадной
перила
Оседлал я,
словно коня.
Скорость сразу же подхватила,
Потащила с седла меня.
Раздувалась от скорости
кепка,
Но ведь кепка
не парашют.
Приземлиться пришлось бы
крепко..
Кобура подскочила тут,
Ухватиться за что-то успела.
И закончился мягко полёт.

Удивительнейшее дело:
Я не рыжий,
а мне везёт!
Еле понял,
что действовать стала
Справедливая кобура.
Я от радости
для начала
Покружил среди двора.
Постарался
проверить на кошке,
Хорошо ли сделан прицел.
Кобура
прижала застёжку —
Пистолет в кобуре
засел.
И ведь надо же —
в эту минуту
Петька
вылез из-за угла.
Да как свистнет.
И почему-то
Кобура мне
не помогла.
И пришлось
что есть силы
к музею
Отступать нам с Колькой вдвоём.
Там
напасть никто не посмеет,
Сколько раз мы спасались
в нём.
Притаились за пушкой морской,
Оглядели большущий зал.
— Побежать
с такой кобурой! —
Отдыхавшись, Колька сказал.
От обиды
пузатую мину
Я чуть-чуть не сбил
головой:
— Ты же первый
показывал спину,
Я тебя
прикрывал собой.
Можешь сам
кобуру проверить
Петька будет
ужасно рад. —

Повертелся Колька
у двери
И ко мне вернулся назад.
Пулемёт незаметно потрогал,
Дружелюбно заговорил:
— Подождать придётся немного,
Кобура

не набрала сил... —
Осмотрели опять пистолеты,
Может, в двести десятый раз.
Показалось —
глядит с портрета
Кто-то

прямо-прямо
на нас.

Сразу вырос
от радости Колька,
Как солдат, выгибает грудь:
— Это ж бабушка,

видишь,
только

Помоложе на вид чуть-чуть. —
Под портретом написано

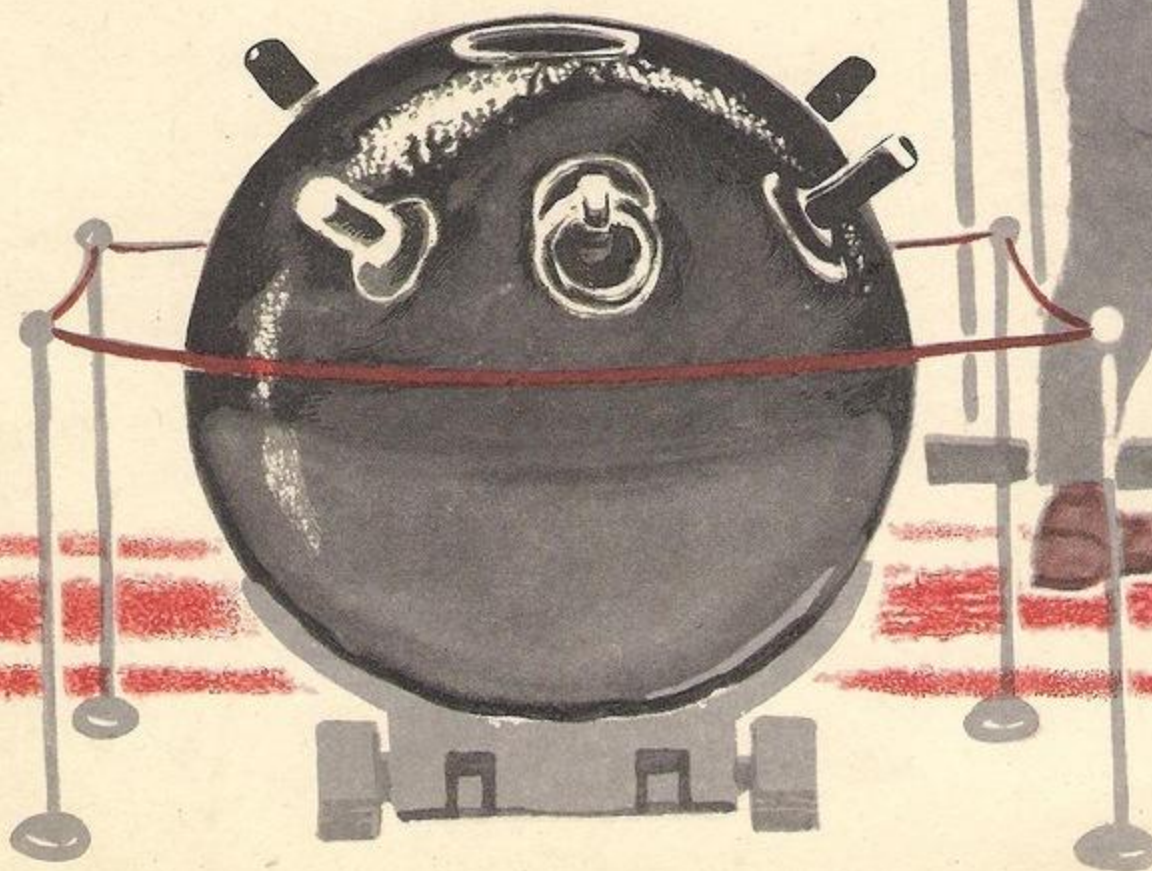
крупно,
Разглядеть бы должен любой:
„Героиня десантной группы
Перед новым вылетом
в бой“.

Пистолет с этой надписью
рядом,

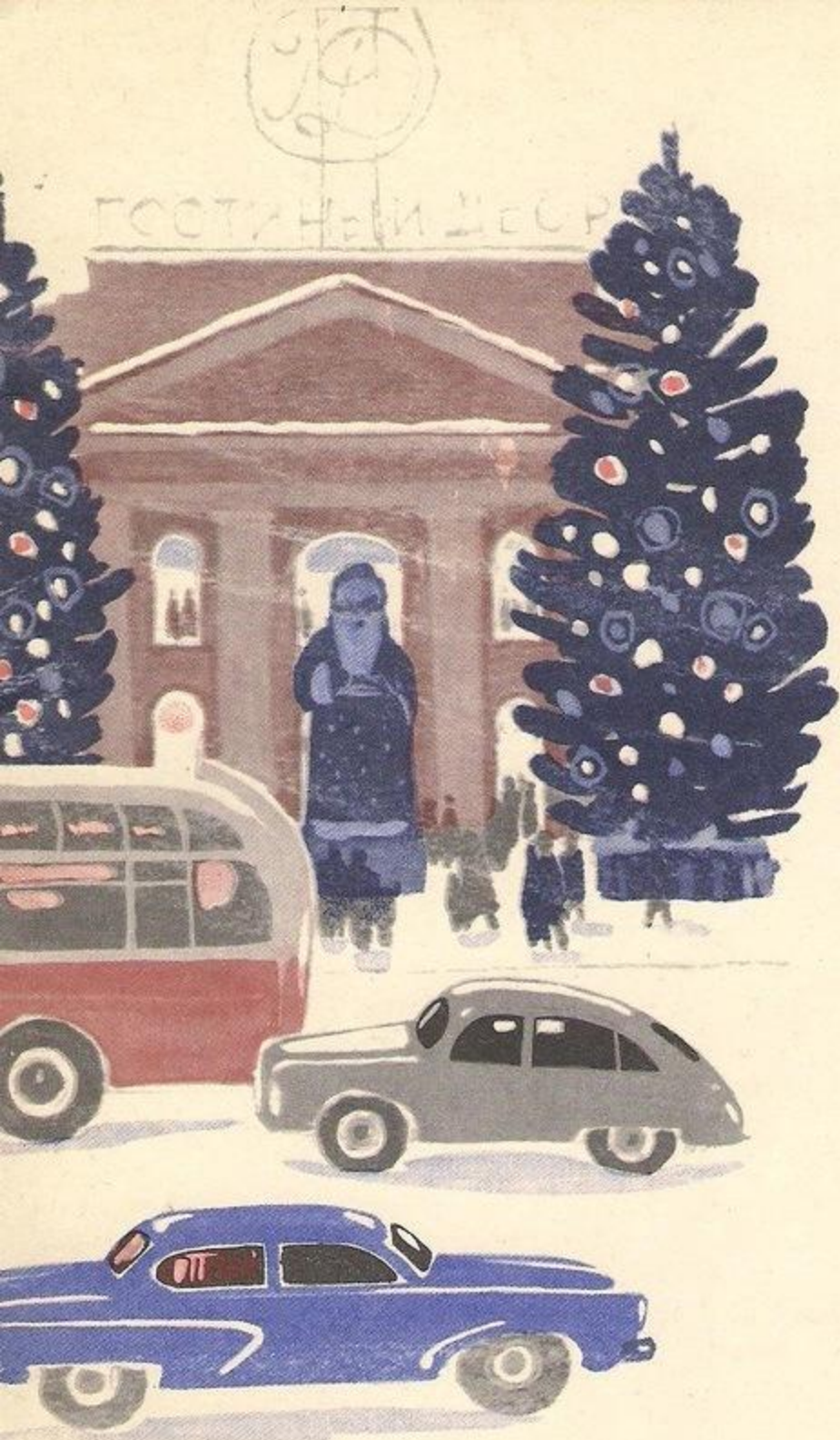
А на нём
от осколка
шрам.

С кобурой и сличать
не надо,
Всё и так уже ясно нам.

Я за дверь потянул осторожно,
Пропускаю Кольку вперёд:
— Ведь теперь
 кобура поможет, —
Говорю,
 а он не идёт. —
Тут в музее свершилось такое...
Я глядел на портреты сам.
И увидел,
 как все герои
Посмотрели Кольке
 в глаза.
Повернули суровые лица.
Хоть сгорай совсем
 от стыда.
Провалиться,
 как говорится,
Если б только было куда.
Но глаза отвели
 герои,
Потеряли к нам интерес.
Оглянулся я:
 Что такое?
Колька
 в самом деле
 исчез.
Выбегаю,
 смотрю
 и не верю:
Всё выходит наоборот.
Смотрит Петька
 затравленным зверем,
Так и жди,
 сейчас заревёт.
Рядом Колька,
 в атаке готовый
Дать врагу
 достойный ответ.
Вид у Кольки
 такой суровый,
Хоть садись
 и пиши портрет.

Ох, и здорово Петьке влетело.
Правда,
 Колька схватил синяк.
Но пустячное это дело.
Мне хоть раз
 повезло бы так.
Достаётся победа
 недаром,
А один синяк —
 не урон.
Друг к нему
 приложил подарок —
Пятачок петровских времён.
Кольке я заявил:
 — Между прочим,
Не завидую я,
 поверь,
Но везёт всем рыжим
 уж очень.
Окончательно ясно теперь. —
Помолчали мы с Колькой немного,
Проводил я его домой.
Кобуру на прощанье потрогал.
Вдруг сказал он:
 — Пойдём со мной. —
И шепнул,
 раскрывая двери:
— У не рыжих
 всё впереди.
Заходи,
 мы кольты проверим
И на бабушку
 поглядим. —
Пусть не рыжий,
 я не был в обиде,
А зайти я решился,
 да.
Я её
 как бабушку
 видел,
Как десантницу —
 никогда.

МАЛЬЧИШКА ГОЛУБОЙ

Ветра,
 ветра
 таким дышали холодом,
 Что посинели даже глыбы льда.
 Ветра метались
 над промёрзшим городом.

Теперь они
 исчезли навсегда.
 Другие ветры
 ходят вдоль по Невскому,
 Другие ветры
 мчатся над Невой.
 И не страшны тебе
 порывы резкие,
 Декабрьская пурга над головой.
 Ты в круговерть войдёшь
 снежинок праздничных,
 Весёлые печатая шаги.
 Пальто не застегнёшь...
 И только
 разве что
 Портфелем отмахнёшься от пурги.
 Небрежным взглядом
 зачеркнёшь прохожего:
 Стоит, как будто что-то потерял...
 И улыбнёшься над прохожим,
 может быть.
 Но если улыбнёшься,
 мальчик,
 зря.
 Ему сейчас,
 под грузом дел дремавшая,
 Аукнется далёкая пора.
 И отзовутся
 без вести пропавшие,
 Тревожные,
 блокадные
 ветра.
 И время
 распахнут порывы резкие.
 И сквозь опавший
 четверть века
 снег
 К нему
 из детства
 по сугробам Невского
 Опять пойдёт суровый
 человек.
 По-стариковски валенками шаркает.
 А если вьюга
 перекроет путь,
 Прижмётся к стенке
 под гудящей аркою.
 Минуту дай ему
 передохнуть!

И вот он вновь
по Невскому пошёл уже.
И каждый метр —
верста в его пути.
Он поднимает голову тяжёлую,
Чтоб только взгляд
от хлеба
отвести.
Он знает точно, что братишка
делает:
Ждать —
это дело
трудное теперь —
Глядит в упор
на дверь заиндевелую.
И ждёт, когда тихонько скрипнет
дверь.
Скорей,
скорей дойти ему
до дома бы,
Дойти
с декабрьской нормой на двоих.
Тепло в руках
от хлеба невесомого.
Как он сейчас боится
рук своих.
От тёмной мысли
никуда не денешься.
И он,
свинцом как будто налитой,
Блокадное почует тяготение
И ног не передвинет
ни за что.
Ещё минуту
попросить у времени,
Ещё минуту —
только и всего.
Лёд под ногами —
скользкими ступенями,
А впереди не видно никого.
Успеет хлеб прижать,
на землю падая.
Лишь голова откинется назад.
Нелепо голубые,
не блокадные
Посмотрят звёзды
мальчику в глаза.
И, синими опутывая нитями,
Из непроглядных улиц уведут.

Накатит сон,
ленивый и стремительный,
Голодный сон
про сытную еду.
К ней стоит протянуться.
Только где ж она?
В фальшивый бред ворвётся
храбрый сон.
И поведёт
тропинкою заснеженной.
А мальчик
будет снова невесом.
Совсем прозрачным
станет он от холода.
В руках гранаты,
словно хлеб,
легки.
И под огнём
попятятся от города
Отборные фашистские полки.
Последний взрыв...
Он почему-то
тише стал...
Вдруг чей-то голос приказал:
— Не смей,
Не смей лежать!
За этим сном мальчишеским,
Ты это знаешь, —
ледяная смерть. —
И снова звёзды
голубою россыпью.
И никого.
И улица нема.
И тишина.
И синими торосами
Зажаты ослеплённые дома.
Сейчас,
сейчас
бессилье он признает сам...
Но если брата
не дождётся брат,
Два новых горя
навсегда прибавятся,
Когда с войны
отец придёт назад.
Вот только бы
перетерпеть мгновение,
Не опустить
отяжелевших век,

Прижать паёк,
подняться на колени бы —
Суровый рассуждает
человек.
Из тёплых снов
опять ему
на стуже встать,
Считать шаги,
прерывисто дыша.
А голова предательски закружится,
Успеть всем телом
сделать лишний шаг.
Взметнулся снег.
И ветер стал
сильней ещё.
И не вступить
на ледяной порог.
И кажется пригорок
леденеющей,
Отвесной,
неприступною горой.
Стучит в висках:
„До дома не добраться мне“.
И вдруг
мальчишка
вырос на горе.

Он был
как все мальчишки
ленинградские
В блокадном,
самом страшном
декабре.
Он крикнул:
— Генка,
встань
и руку дай-ка мне! —
...Нет,
Генка удивиться не успел.
Прижал паёк
под старенькой
фуфайкою,
Пополз наверх
по ледяной тропе.
Схватился крепко
за руку горячую,
Услышал:
— Молодец,
теперь держись. —
И даже понемногу
верить начал он,
Что вместе с ночью
не уходит жизнь.

Синела даль
 рассветом наступающим.
Подъём для Генки
 стал не так уж крут.
Он оглядел внезапного товарища:
— Откуда знаешь,
 как меня зовут? —
И удивился:
 на мальчишке
 лёгкое,
По-летнему весёлое пальто,
Совсем как небо
 мирное,
 далёкое
За ледяной
 блокадной чертой.
— Откуда знаю? —
 И на Генку пристально
Взглянул опять
 мальчишка голубой.
— Я всех вас знаю,
 часто вижу издали.

Ещё не раз
 мы встретимся
 с тобой. —
Шаги,
 шаги
 всё твёрже,
 всё уверенней.
За поворотом
 вырос Генкин дом.
Ещё б секунду
 постоять у двери им.
Нельзя.
 Спешит мальчишка в голубом.
И Генка улыбнулся:
 — Я дойду уже...
Как звать тебя,
 ты говоришь друзьям? —
И друг ответил
 очень тихо:
 — Мужество. —
И зашагал неслышно
 по снегам...

О Г Л А В Л Е Н И Е

АЛЁШИНА ВЫСОТА	2
ВОРОБЕЙ БЛОКАДНЫЙ (сказка-быль)	14
ПРО ВОЛНЯТ И КАРАСЯТ (сказка бабушки Волны)	21
ВОЛШЕБНАЯ КОБУРА	24
МАЛЬЧИШКА ГОЛУБОЙ	33

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О В О З Р А С Т А

Гоппе Герман Борисович
ВОЛШЕБНАЯ КОБУРА

Ответственный редактор И. Г. Одоевцева. Художественный редактор В. В. Куприянов. Технический редактор З. П. Коренюк. Корректоры К. Д. Немковская и Г. М. Шукан. Подписано к набору 28/III 1967 г. Подписано к печати 27/IX 1967 г. Формат 60 × 90¹/₂. Бум. № 1. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 5,28. Тираж 150000 экз. ТП 1967 г. № 213. Ленинградское отделение издательства „Детская литература“. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Зак. № 99. Фабрика „Детская книга“ № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.
Цена 38 коп.

38 коп

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“